

ТЕАТР СТРОИТСЯ

(Окончание)

Кол
сециал
ой
В
ковск
иния
ми
ви
ва
Кокте
джан
зовск
ода
седл
ом
еже
и
венков
СЕЗС
Г
ан, ко
РС
душевн
В. Дежда на князя. И все
ольшо себе знать впоследствии
ми или характер цыгана дол
астным-то проявиться и вна
санат
е сле подлинной сценической
к Оле представляется одной из
еи зонящего областного укра
ведую. По сравнению с прошл
плотн
атра культура стала, не
Но и зритель требует
и) хожего. Приятно видеть, к
наторе массовые сцены в «Сы
отает которых представлены
республики даже они и не го
фестивали говорят очень мало.
ить, в некоторых преже
человеческие типы и ха

рактеры весьма смутно угадывались, а то и вовсе не угадывались в тех, кто составлял толпу на театральных подмостках. Однако нельзя не заметить и затаенность той же самой массовой сцены. Если вначале, зрительный зал следит за ней очень внимательно, то потом это внимание явно ослабевает.

В «Грушеньке» счастливо удалось избежать цыганщины в плохом смысле слова. Песни, танцы воспринимаешь как проявление буйных творческих сил цыган, безуспешно равнявшихся в старые времена к свободе, радости. Но и тут налицо перегруженность первого акта: столько поют и танцуют, что в конце концов просто устаешь от всего этого.

В театре, который в общем-то развивается в духе добрых реалистических традиций, почему-то пренебрегают гримом. То есть им пользуются, когда необходимо из молодого лица сделать старое, из некрасивого — красивое. А в целом искусство грима здесь не в почете. Трудно даже вспомнить какой-либо интересный характерный грим из последних спектаклей. Зато надолго запоминается полное несоответствие цыганских костюмов и ярко выраженных славянских лиц.

Кстати, о костюмах. В них ведь тоже скрывается уровень театральной культуры, мастерства театра. Нашему украинскому и здесь есть над чем поработать. К постановкам украинских классических пьес в этом отношении претензий почти нет. Но в современной одежде и одежде людей других национальностей хотелось бы видеть больше вкуса, точности, выразительности. Почему, скажем, заслуженная артистка УССР Ж. Фадеева в последнем действии «Сына рыбака» появляется столь неприглядно одетой? Ведь в этом действии ее Анита, пройдя через серьезные испытания, возвращается к своему customary счастью, к мужу-рыбаку. Конечно, ни к чему была бы тут вычурная, богатая одежда. Но Анита — женщина со вкусом. Почему же именно тогда, когда она надеется на познание любви, ее платье бесцветней, чем во всех предыдущих действиях? Разве простота — синоним бесцветности? Сцена княжеской свадьбы в «Грушеньке» задумана и выполнена интересно: своего рода танец-манекшене. Однако почему все гости-мужчины в черном, а жених, которому в первую очередь положено быть во фраке. — в комбинированном двухцветном костюме? Вспомним чеховское «Предложение»: даже просить руку приезжали во фраках, и

не князя! Опять же количество подобных примеров можно было бы умножить, но, думаю, в этом нет необходимости.

Разговором о костюмах мы вплотную подошли к работе художников украинского театра. Общий рост театра в их работе виден особенно наглядно. Оба художника — и главный А. Лагно и художник-постановщик Ю. Чурсин — начинали здесь свой путь очень молодыми. Первый — раньше, вместе с театром, второй — позднее. У обоих было немало как удач, так и ошибок. Но через все это проходил путь роста. Позади остались декорации наподобие цветных фотографий украинских деревень и, наоборот, декорации-ребусы. Теперь в декорациях продлинная образность, хотя достигнуть ее художникам очень трудно из-за маленьких размеров сцены. Скоро — в новом здании — эти размеры увеличатся во много раз. Улучшится и осветительная техника. Зато не меньше, а еще больше погрешется творческой выдумки, мастерства, чтобы сделать оформление спектаклей на новой сценической площадке по-настоящему художественным.

Многое из того, что достигнуто здесь, пригодится там. А кое от чего придется наверняка отказаться. Декорации к трем спектаклям, о которых шла речь выше, тоже характерны в этом смысле. Они не только воссоздают быт людей разных поколений и разных национальностей, но несут в себе образ того, чему посвящен спектакль. Ни в одной из трех постановок сцена не перегружена бытовыми предметами. А те из них, которые мы видим на подмостках, нужны, чтобы передать дух изображаемой жизни. Рыбацкие сети, например, не просто держат, чинят, по их контуры угадываются где-то сверху, как символ влюбленности рыбака в свое дело. Ничего особенного, кажется, во втором занавесе к спектаклю «Грушенька»: поднятый шлагбаум и сидящий прямо на нем двуглавый орел. Но изображение сразу вводит нас в ту жизнь, которую описал Н. Тесков в «Очарованном страннике» (по этой повести, как известно, и создана драма И. Штока).

Переполненный сундук, крышу которого можно закрыть, лишь усевшись на нее, тоже связан с самым духом целепой жизни богача Борули.

Невозможно недооценить усилия художников, направленные на то, чтобы хоть сколь-ко-нибудь увеличить сценическую площадку. Используется, по возможности, каждая возможность для «раздвижения» ее и в стороны, и даже вверх. Удачны в этом плане мостики, на которые довольно часто переносится действие в «Сыне рыбака».

И все же невольно замечаешь, что сам принцип оформления этого спектакля и «Грушеньки» в какой-то мере одинаков: мощные перекрытия, делающие сцену вверх (по горизонтали). В теперешних условиях это, наверное, делается вынужденно. Но в новых, неизмеримо лучших, такого оправдания подобным повторам не будет. К этому надо готовить себя художникам театра уже теперь. Отдавая должное тому, что они делают сейчас, хочется все-таки пожелать им делать еще больше. Это относится не к одним костюмам, парикам, гриму, о чем уже сказано.

Размеры сцены вовсе ни при чем, когда речь идет о такой детали сценической обстановки в «Мартине Боруле», как цветы. Вначале дом хозяина — полная чаща, и цветы пышно цветут на том самом окне, возле которого постоянно проходит действие: Мартын ожидает и провожает гостей, появляется возлюбленный его дочери и т. д. Говорит ли о чем-то сам факт присутствия простых ярких цветов в доме деревенского богача, лезущего во дворянство? Не легко ответить на этот вопрос. Разве что цветы, как и славная дивчина Марья, напоминают о более ранней поре, когда труд, крестьянская жизнь, с ее заботами и радостями, не презирались еще хозяином этого дома. Ведь украшением дворянских «палат» такие цветы не могут быть. И не могут они исчезнуть в конце, когда дом разорен, зато Мартын Боруля наконец-то образумился. Цветы — не содержимое сундука, не признак богатства. Они куда больше подходят к вечечной душе бедняка, А на сцене их нет в финале...

...Я рассказала о том, что, по-моему, надо продолжать и что преодолевать театру на пути его роста. Это вызвано верой в творческие возможности нашего Украинского музыкально-драматического театра.

Марианна НОВИКОВА.